

Политические элиты современной России в условиях становления «цифрового общества»

Александр Васильевич Понеделков¹, Павел Леонидович Карабущенко²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления, Ростов-на-Дону, Россия, lab-gmu-uriu@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2580-131X>

²Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева, Астрахань, Россия, pavel_karabushenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

Аннотация

Введение. Статья посвящена анализу влияния процесса цифровизации на формирование нового поколения политических элит. Рассмотрены ключевые теоретические моменты в развитии данного концепта. Актуальность заключается в том, что развитие политических элит в рамках традиционных концепций пришло к своему логическому историческому завершению. Объективная реальность требует использование принципиально новых механизмов селекции и профессионализации субъектов элитных групп.

Цель. Проанализировать сущность т.н. «цифровой элиты», выявить ее принципиальные отличия от предшествующих типов элитных сообществ. Развитие концепции и практики «цифровой элиты» во многом определяется тем, как ее сущность понимается самим политическим руководством; как само политическое руководство видит себя в качестве этой самой «цифровой элиты».

Методы. Методологическая основа включает анализ элитологических теорий, что предусматривает использование таких методов, как диалектика, компаративистика, герменевтика и семиотика.

Результаты. Выявлено, что развитие искусственного интеллекта создаёт как определенные блага, так и конкретные риски для практик элит, способствует росту качественных изменений их профессиональной компетенций. В качестве критериев новой элиты чаще всего используются принципы меритократии («элиты знания»), что отвечает канонам теории постиндустриализма. Полученные результаты могут быть полезны для специалистов в области политологии и проведения новой кадровой политики.

Выводы. Становление «цифровой элиты» сопряжено со становлением новой иерархии, новых взаимоотношений внутри самих элитных групп и их взаимоотношений с политическими лидерами. Усиливается манипулятивная часть политики, что указывает в свою очередь на увеличение зависимости от карнавальной политической культуры. Вокруг самой «цифровой элиты» растут откровенно спекулятивные «теории», что свидетельствует о весьма противоречивом процессе становления самой ее реальности. В «цифровой элите» намечен только контур ее общих признаков, критерии которых нуждаются в постоянном уточнении.

Ключевые слова: элита, лидеры, «цифровая элита», «цифровое общество», меритократия, идеология, культурные коды, мировоззрение, глобализм, конфликты

Для цитирования: Понеделков А. В., Карабущенко П. Л. Политические элиты современной России в условиях становления «цифрового общества» // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 3. С. 220–231. EDN QDSNRC

Political elites of modern Russia in the context of the formation of a "digital society"

Alexander V. Ponedelkov¹, Pavel L. Karabushchenko²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management, Rostov-on-Don, Russia, lab-gmu-uriu@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2580-131X>

²Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev, Astrakhan, Russia, pavel_karabushenko@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

Abstract

Introduction. The article is devoted to the analysis of the digitalization process influence on the formation of a new political elites generation. The key theoretical points in the development of this concept are considered. The relevance lies in the fact that the development of political elites within the framework of traditional concepts has come to its logical historical conclusion. Fundamentally new mechanisms for the selection and professionalization of subjects of elite groups are required.

Purpose. To analyze the essence of the so-called "digital elite", to identify its fundamental differences from the previous types of elite communities. The development of the concept and practice of the "digital elite" is largely determined by how its essence is understood by the political leadership itself; how the political leadership itself sees itself as this very "digital elite".

Methods. The methodological basis includes the analysis of elitological theories, which involves the use of such methods as dialectics, comparative studies, hermeneutics and semiotics.

Results. It was revealed that the development of AI creates both certain benefits and specific risks for the practices of elites, and contributes to the growth of qualitative changes in their professional competencies. The results obtained may be useful for specialists in the field of political science and the implementation of new personnel policies.

Conclusions. The formation of the "digital elite" is associated with the formation of a new hierarchy, new relationships within the elite groups themselves and their relationships with political leaders. The manipulative part of politics is intensifying, which in turn indicates an increase in dependence on carnival political culture. Openly speculative "theories" are growing around the "digital elite" itself, which indicates a very contradictory process of the formation of its reality itself. In the "digital elite", only the outline of its general features is outlined, the criteria of which require constant clarification.

Keywords: elite, leaders, "digital elite", "digital society", meritocracy, ideology, cultural codes, worldview, globalism, conflicts

For citation: Ponedelkov A. V., Karabushchenko P. L. Political elites of modern Russia in the context of the formation of a "digital society". *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(3):220–231. EDN QDSNRC

Введение

Политическая элитология постоянно делает замеры существующих элитных сообществ с целью уточняющей диагностики сущности своего исторического времени. «Человеческое измерение» приобретает особое значение в условиях неопределенности и трансформации политических систем. Особенно это касается взаимоотношения элит и гражданского общества, от конструктивного характера которого во многом зависит общее состояние государства. Если от лица элит говорят их политические лидеры, то от лица гражданского общества чаще всего выступает научное экспертное сообщество, которое выражает общую общественную оценку действительности. Если общество влияет на политические процессы в основном в предвыборные периоды, то гражданское общество (в лице экспертов) способно на постоянный контакт с властями, посредством постоянной научной экспертизы, корректируя поведение властей.

В российских элитных сообществах наблюдается постепенная смена стиля политической культуры, что связано с преобладанием стратегии «осажденной крепости» и необходимости консолидации рядов, ресурсов и усилий. В современных политических элитах России практически полностью исключено эмоциональное решение проблем. Все больше начинает проявлять себя прагматизм и сдержанность. В мировоззрении политических элит все больше утверждается патриотический концепт, а либеральные ценности подвергаются критике и пересмотру [1, с. 313]. Эксперты также отмечают, что для того, чтобы постоянно быть в тренде современных изменений, политические элиты вынуждены сами изменяться под воздействием новой внешней среды [2].

Теоретические основы

В философском и политологическом дискурсе последних лет обнаруживается весьма устойчивая тема, связанная с развитием искусственного интеллекта (ИИ) и формированием на его базе т.н. «цифрового общества» и «цифровой элиты». Авторы настоящей работы опираются на базовую теорию истории генезиса элит профессора Г.К. Ашина и собственные работы по истории элитологии [см.: 3–5]. Новым условием, влияющим на генезис политических элит, стали высокие научные технологии и, в частности, процесс цифровизации. В настоящем исследовании использованы как работы отечественных философов, так и политологов, опубликованные в ведущих российских журналах. Авторы также видят приверженность многих теоретических конструкций теориям информационного общества (постиндустриализма) и новому прочтению концепции меритократии («элиты знания»).

Результаты и обсуждение

Основной вызов современности. В настоящее время Россия находится в режиме переборки своего глобального (имперского) проекта: из осколков СССР она собирает новую архитектуру сильного евразийского государства, демократического по сути и авторитарного (самодержавного) по содержанию. В новом историческом прочтении «самодержавие» понимается как суверенитет, как автаркия. И достижению этого состояния власти России прилагают титанические усилия. Выступая на пленарном заседании Всемирного русского народного собора (28.11.2023 г.) Президент РФ В. В. Путин отмечал, что «наша битва за суверенитет, за справедливость носит без всякого преувеличения национально-освободительный характер, потому что мы отстаиваем безопасность и благополучие нашего народа, высшее, историческое право быть Россией – сильной, независимой державой, страной-цивилизацией. Именно наша страна, русский мир, как не раз бывало в истории, преградили путь тем, кто претендует на мировое господство, на свою исключительность¹.

Характер политического руководства России виден в проводимой им внешней политике, направленной на поэтапное укрепление суверенитета. Специальная военная операция (СВО) показала усиление консолидации элиты и общества вокруг своего руководящего центра. Из украинского конфликта с НАТО, Россия уже выходит окрепшей страной. Россия зарекомендовала себя как страна, слова которой не расходятся с делами. Она умеет терпеть. Она умет ждать. У ней нет непродуманных реактивных действий (всё всегда продумано). У нее есть политический центр, который пользуется абсолютной общественной поддержкой. В. В. Путин в России пользуется абсолютным авторитетом. Здесь даже черные кошки боятся перебежать ему дорогу [6].

Кремль считает, что коллективный Запад живет в ложнопридуманных идеологических и геополитических конструкциях. В.В. Путин отмечал, что «Западные державы во главе с США сочли, что они победили в «холодной войне» и вправе самостоятельно определять, как следует обустроить мир. Практическим выражением такого мировоззрения стал проект неограниченного в пространстве и во времени расширения Североатлантического блока, хотя были, конечно, и другие идеи, как обеспечить безопасность в Европе².

¹ Пленарное заседание Всемирного русского народного собора. 28.11.2023. - URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/72863>

² Выступление Президента Российской Федерации В.В.Путина на встрече с руководством Министерства иностранных дел России, Москва, 14 июня 2024 года. 14.06.2024. – URL: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/1957107/

В 1990-е гг. политические элиты России прельстились западным либерализмом и демократией. Западничество стало целью российской элиты 1990-х гг. Патриотизм был объявлен преступным пережитком прошлого. Пропаганда западного образа жизни в первую очередь соблазнила элиту. «Естественно, элита такого общества может быть только западной. С одной стороны, главную свою цель элита видит в том, чтобы на любых условиях быть принятой в западной элите. А с другой стороны, собственная страна рассматривается не как самостоятельная ценность, а как средство для получения ресурсов, которые можно использовать для обеспечения своего существования в западном раю. Отечественные кланы имеют свои особенности» [7, с. 91–92]. Российская элита в целом пережила и преодолела соблазн Запада и заняла сторону национальных интересов России.

Основной конфликт современности состоит в том, что Россия фактически бросила вызов западному ультралиберализму, возглавив те страны, которые придерживаются традиционных ценностей. Само существование России есть отрицание американской гегемонии. Пока существует Россия, США не могут полностью контролировать Евразию.

Западный колосс стоит на ногах из стопок доллара. Именно доллар из былого преимущества в наши времена становится Ахиллесовой пятой этой политической системы. «Построенная за счет печатного станка американская финансовая пирамида раз за разом дает ощутимые сбои. Модель бесконтрольной эмиссии, при которой любые экономические проблемы в буквальном смысле заливаются деньгами, не может работать вечно. При наличии внешнего долга более чем в 31,5 триллиона долларов [данные на начало 2023 г.], США все увереннее идут к дефолту. Падение уровня доверия к доллару, не подкрепленного реальными товарами, а также к системе раздутых спекулятивных операций на фондовом рынке приведут Штаты к мощному финансовому кризису»¹. Для коллективного русофобского Запада демонизация России и её лидеров стала нормой. Демонизировать Россию и ее политическое руководство стало для них нормой². Кремль для коллективного Запада стал символом «абсолютного зла». «Абсолютное зло» для них всё, что противоречит их национальным интересам.

Кремль целенаправленно выстраивает равноправные международные отношения в духе диалога культур и цивилизаций. Настойчиво проводится идея того, что в Евразии уже вызрели новые геополитические центры принятия решений: «Появляются новые мощные центры экономического роста, финансового и политического влияния, прежде всего здесь, на Глобальном Востоке, на Глобальном Юге в целом. Эти новые центры стремятся сохранить и укрепить суверенитет и социокультурную идентичность, ищут пути гармоничного развития в соответствии со своими традициями и с опорой на национальные интересы»³.

Описанный нами контекст дает общие представления того, в каких условиях российским политическим элитам приходится действовать. Следующим важным моментом является формирование идеологического контура, который определяет мировоззренческие и культурные основы элитных практик.

Формирование идеологического контура. СВО выявила процесс консолидации патристически настроенного общества вокруг своего политического руководства. Отмечается и консолидация внутри самой элиты. Главное в том, что в элитах появляется некий смысл, конкретизируются цели их развития [8]. Мир находится в периоде трансформации, что мешает выработке четких идеологических парадигм. Экспертное сообщество не знает, о чем говорить, поэтому называет эту неопределенность постиндустриализмом.

Состояние элиты корректируется заявлениями ее политических лидеров.

В 2020-е гг. стало очевидным, что Россия возглавила восстание против западной гегемонии. Это тезис становится смыслом настоящего времени. Россия вынужденно пошла на это в силу того, что Запад постоянно ее обманывал. Утвердился тезис о том, что с Западом невозможно ни о чем конкретно договориться. Российские победы возвращают пророссийские элиты

¹ Патрушев Н. Они совсем страх потеряли? // Российская газета. 27.03.2023. №65 (9010).

² War, by Bob Woodward. (Simon & Schuster via AP). 2024.

³ Пленарное заседание Международного форума «Взаимосвязь времён и цивилизаций – основа мира и развития». 11.10.2024. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75303>

во всем мире. И, напротив, слабая Россия множит ряды русофобов. По признанию самих же западных политиков, Запад допустил главную стратегическую ошибку – он слишком долго воспринимал В.В. Путина не всерьез. Он понадеялся на тотальное ослабление России и просчитался [9].

За скобками оказываются конспирологические теории элит, согласно которым внутри элит постоянно происходят некие скрытые от всех изменения, о которых экспертное сообщество может судить лишь по косвенным признакам (по их влиянию на публичные процессы).

Российскими экспертами отмечается, что «идеологический тип мышления характерен до определенной степени только для партийной элиты. Для министров, губернаторов и сенаторов, не говоря уже о более низких уровнях [российской] власти, идеологические концепции непонятны, и не служат основой политической идентификации. Элита не способна задавать ценностные ориентиры обществу, если в ее головах преобладают путаница и хаос ценностей. В отличие от стран, которые принято называть “развитыми”, в ценностной структуре российской элиты преобладают ценности материалистического и даже меркантильного типа. Гуманитарные ценности (альтруизм, свобода, экология, образование, вера, любовь и т.п.) явно уступают им по значимости. Эта структура архаична, не способствует выполнению элитой стратегической миссии и невыгодно отличает ее от зарубежных коллег» [10, с. 38].

Известный французский политолог Ж.-Р. Равио определил «путинизм», как сложившуюся внеидеологическую конфигурацию правящей элиты вокруг ядра, контролирующего принятие решений. С другой стороны, это объединяющий российскую правящую элиту путинский нарратив, который, тем не менее, позволяет улавливать глубинные источники ментальной и референтной сферы партии власти одновременно с учетом корпоративной солидарности и финансовых интересов элиты [11, с. 5].

Даже спорт используется Западом для пропаганды своих псевдоценностей. По мнению В.В. Путина, западные элиты даже «мировой спорт, олимпийское движение пытаются сделать не ареной для честных состязаний, а площадкой для геополитических игр, для насаждения деструктивной неолиберальной повестки, пропаганды противоестественных норм и псевдосвободы отрицания традиционных ценностей, которыми веками, тысячелетиями живёт подавляющее большинство стран и народов планеты.

Россия – как, мы уверены, и мировое большинство – выбирает другой путь. Это равноправие и открытость, взаимное уважение во всех сферах сотрудничества: в экономике и культуре, в науке и образовании, в здравоохранении, торговле, политике и, конечно же, в спорте»¹.

Еще одним важным вопросом становится вопрос истории. Оптика западной исторической науки выдает подчас совершенно иную историю России [12, с. 190–197]. Это взгляд на Россию извне, со стороны враждебного Запада. Именно поэтому в боях за историю, Россия придерживается своей правды, своего национального взгляда на прошлое.

Проект формирования новой элиты. Развивающееся информационное общество выдвигает новые критерии селекции элитных групп. И приоритетными здесь становятся меритократические аксиологические параметры. Но прежде всего, необходимо обратить внимание на то, что т.н. «старые элиты» (элиты, созданные по устаревшим схемам) уже не устраивают новый формат власти. Под «старыми элитами» имеются в виду элиты, построенные на принципах индустриального общества, доминирующими качествами которого была олигархия. Это уже элитарная архаика.

Президент России В. В. Путин неоднократно высказывался относительно сущности современной российской элиты. Он явно недоволен ею. Причем под российской элитой он чаще всего понимает некий сложившийся еще в эпоху Ельцина социально-политический конгломерат. У него явно есть желание заменить ее, но не революционным, а эволюционным путем. Об элитах своего времени он высказывался весьма скептически: «Кадры – чрезвычайно важная вещь. И то, что здесь появляются люди, которые прошли через горнило испытаний в том числе и боевыми действиями – очень важно... Какие элиты? Деньги где-то украли, пальцы веером, и вот – мы элита. Какая элита? Вот элита– те, кто Родину защищает. Вот эти люди, вот эта элита,

¹ Пленарное заседание Международного форума «Россия – спортивная держава». 17.10.2024. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/75341>

за ними будущее страны, нестрашно в руки страну передать таким людям. Надо им помочь, надо помочь им получить образование, надо помочь им получить необходимый стаж»¹. И источником новых элитных кадров может, по его идее, стать платформа «Время героев», которая выстроена и работает весьма эффективно. В. В. Путин создает национально ориентированную элиту. Элиту государственных. Элиту, которая служит народу, а не обслуживает олигархов. Таким образом, Кремль фактически пытается применить новую модель кадровой политики, основанной на меритократических принципах.

В послании к Федеральному собранию 2024 г. Президент России устроил самый настоящий разнос т.н. социально-политической элите, возникшей еще в «лихие девяностые». «Вы знаете, что слово «элита» во многом себя дискредитировало. Теми, кто, не имея никаких заслуг перед обществом, считает себя какой-то кастой с особыми правами и привилегиями, особенно имею в виду тех, кто в предыдущие годы набил карманы за счёт всяких процессов в экономике 90-х гг., они точно не элита. Повторю, подлинная, настоящая элита – это все, кто служит России, труженики и воины, надёжные, проверенные, делом доказавшие свою преданность России, достойные люди»². Для этого и была создана особая программа подготовки кадров нового типа. И параметры такой элиты определяются ценностями меритократии.

В то же самое время ректор РАНХиГС А.Г. Комиссаров, выступая 25 февраля 2024 г. на суперфинале пятого сезона всероссийского конкурса управленцев «Лидеры России», призвал внедрять принцип меритократии. Меритократия подразумевает принцип управления, согласно которому высшие руководящие должности должны занимать наиболее способные люди, независимо от их социального происхождения и финансового достатка. Она имеет ряд преимуществ перед демократией, хотя в целом ей и не противоречит. «Меритократия переводится как «власть достойных», и это принцип, по которому люди продвигаются на позиции по показателям талантов, компетенций, знаний, а не, например, по рождению или каким-то другим показателям. Мне кажется, это очень важный принцип»³. Оппоненты этого принципа делают упор на то, что таланты людей трудно оценивать. Поэтому к власти часто приходят популисты и не самые достойные люди. Меритократия утверждает принцип открытость конкуренции и приверженность демократическим процедурам.

Смысл цифровизации может быть понятен на фоне общего кризиса глобализации. Цифровизация стала важнейшим фактором информационного общества в условиях противоречивого развития глобализма. Мир становится все более динамичным и совершенным. Особенно это заметно на примере создания новых видов оружия. «Мы все говорим про искусственный интеллект – это стало модным, без этого ни одно совещание ни в одной области не обходится, – но вы должны понимать это, да, собственно, все и понимают, что возможности использования искусственного интеллекта являются колоссальными. И кто быстрее начнёт осваивать эти технологии, в данном случае в военном деле, у того будут огромные преимущества на поле боя»⁴. Кремль уделяет первостепенное внимание развитию искусственного интеллекта, понимая какие он открывает технологические перспективы.

Цифровой дискурс усложняется в силу того, что вбирает в себя широкий спектр проблем и вопросов, от систем больших данных, «интернет вещей» и «интернет всего», т.н. «цифровые следы» и нейросеть искусственного интеллекта и многое другое [13, с. 70]. Экспертами отмечается, что «в процессе развития цифрового общества в России разворачивается борьба между международными IT-гигантами и российскими государственными корпорациями за контроль над его формированием, а сама российская цифровая элита может вырасти, прежде всего, из современных российских правящих элит» [14, с. 209].

¹ Путин В.В. Встреча с главами муниципальных образований. 21.04.2025. – URL: <http://krem-lin.ru/events/president/news/76738>

² Послание Президента Федеральному Собранию. 29.02.2024. – URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/73585>

³ Ректор РАНХиГС предложил внедрять в России меритократию. 26.02.2024. – URL: <https://www.rbc.ru/society/26/02/2024/65d8e09b9a79474f5f2121cc>

⁴ Заседание Военно-промышленной комиссии. Владимир Путин провёл заседание Военно-промышленной комиссии Российской Федерации. 23.04.2025. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76781>

Проблемы формирования цифровой элиты. Новейшие веяния эпохи диктуют элитологии новые вызовы, формируют для нее новые задачи. В научной литературе последнего времени уже весьма активно формируются такие концепты, как «цифровой человек», «цифровое общество», «цифровая элита», «искусственный интеллект»...

Базовые параметры цифровой политической элиты моделируются на основе общих данных по теории цифрового общества (цифровой человек + цифровая элита) и того, как политическая практика вписывается в эти новейшие процессы. И в этой связи возникает весьма острый онтологический вопрос – насколько цифровая элита будет зависеть от искусственного интеллекта. Вопрос на сегодняшний день неразрешимый.

Политические элиты уже столкнулись с таким явлением как «цифровой человек» (Digital Humans) – аватары, похожие на человека, но существующие на базе ИИ только на экране монитора¹. В общении с клиентами такие «цифровые люди» более доступны и эффективны в масштабировании. Они уже используются как в пользу, так и во вред политикам. Такие новейшие технологии носят футурологический характер. У аналогового политика возникает цифровой двойник, который в отличие от него существует как бесшумный (бесфоновый), тогда как первый «вынужден» существовать в ситуации мегафона(ов). Цифровой человек существует вне социальных шумов, в силу чего «последний предстает как экзистенциально ограниченный человек» [15]. Эксперты отмечают, что несомненно «экономический» человек (Homo economicus) вошел в эпоху цифровой революции, создавшей «цифрового» человека (Digital man), однако сущность реальности, с которой взаимодействует «цифровой» человек, радикально изменилась в сторону ее виртуализации, «небытия (мнимости), так как она оторвана от Бытия и существует в знаковой (цифровой) форме в сознании человека» [16].

Цифровизация влияет на когнитивные способности и возможности человека, создавая многочисленные новые конструкции [17]. Ученые опасаются, что аутентичное «Я» заменяется на акторность индивидов в цифровом пространстве, что может привести к значительной деформации основ психики человека [18]. В цифровую эпоху человек живет и выживает в цифровом пространстве, в котором господствуют уже иные системы ценностей.

Эксперты пытаются разобраться в природе человека-виртуала («virtual person»), уточнить использование метафоры онлайн-платформы как модели трансляции культурных ценностей, а также дать анализ программирующего воздействия цифровых технологий [19]. Человек все глубже погружается в социальные сети. Вместе с тем в нем все чаще возникает желание закрыться в безопасном «информационном коконе», выстроить защитный барьер. Обостряется вопрос гармоничного преодоления негативных факторов, связанных с «цифрой», о разумном ограничении её использования [20].

Компьютерная имитация человека посредством конвергентных технологий, киберфизических систем и искусственного интеллекта», производят необходимые заказчику образы, а не объекты предметной среды» [21]. Возрастает потребность в верификации, поскольку с развитием цифровых технологий в политике открываются новые возможности для фальсификации политической действительности. Такой человек воспринимается как главный субъект в цифровой среде (как в экономике, так и в политике). Эксперты отмечают, что «человек в цифровом мире, с одной стороны, действует как генератор потребностей, которые обслуживает цифровая экономика; с другой стороны, искусственный интеллект вытесняет человека из многих областей» [22, с. 53].

Цифровой человек определяет и такое понятие как «цифровое общество (цивилизация)», в основе которого «находятся сложные цифровые технологии; общение людей осуществляется в основном в киберпространстве; значительное влияние на развитие экономики и формирование сознания оказывают цифровые средства коммуникации; цифровые технологии превращаются в неотъемлемую часть современной культуры и образования» [14, с. 201].

Реальностью цифрового общества становится *нетократия* (от англ. net – сеть и греч. kratos – власть – цифровая элита). Шведские исследователи А. Бард и Я. Зодерквист отмечали,

¹ Кто такие «цифровые люди» и чего от них ждать. 09.02.2023. – URL: <https://www.computerra.ru/286297/kto-takie-tsifrovye-lyudi-i-chego-ot-nih-zhdai/>

что одна четвертая мирового сообщества, сетевое общество, стоит на вершине мировой пирамиды и управляет остальной частью мира, традиционным обществом, находящимся на доиндустриальной или индустриальной стадии развития и занимающим нижние этажи этой пирамиды. В верхней части пирамиды нетократы производят и потребляют знания, тогда как те, кто находится на нижних этажах мировой пирамиды консьюмериат (потребители), в основном только потребляют информацию в тех объемах, которую им предоставляет нетократия [23]. Согласно их взглядам, в глобальном сетевом обществе правящим классом является нетократия, которая курирует все основные информационные сети на основе цифровых технологий и применять цифровые методы управления. Это новая элита.

«Цифровая элита» – это новые ведущие профессиональные группы цифрового общества характеризуются целым рядом существенных признаков. Цифровая элита характеризуется как высокотехнологичное сообщество профессионалов. Эксперты отмечают, что «одной из наиболее важных составляющих в цифровом обществе станет умение генерировать новые цифровые технологии, что создаст условия для расширения правящей элиты за счет включения в ее состав тех, у кого есть креативные способности создания новых технологий. Эти новые представители правящей элиты, как эксперты и менеджеры, получают более широкие возможности участия в государственном управлении» [14, с. 201].

Официальный Кремль неоднократно высказывался относительно т.н. цифровых платформ. «Чрезвычайно важный инструмент для того, чтобы повысить качество и эффективность работы [власти]. Единственное, о чём хочу попросить, – это чтобы не возникало никакого цифрового барьера, никакого цифрового забора между людьми и местными органами власти, чтобы обратная связь, о которой сама Ирина Михайловна сказала, всегда сохранялась, чтобы сохранялась живая связь с гражданами. Потому что цифровые платформы, они действительно уникальные своими возможностями, повышают эффективность управления на всех уровнях, на всех направлениях нашей деятельности, но это не должно подменять живого, прямого общения с людьми. Это очень важная вещь. Интернет здесь живого общения не заменит»¹.

Процесс цифровизации кардинально меняет формат коммуникации и способов сбора и передачи информации, что свидетельствует о медиареволюции. Из-за взрывного распространения практик взаимообмана и манипулирования, возникает пространство «постправды как новой нормальности, целенаправленной фильтрации и персонально-ограниченного подбора информации, массовых вторжений в приватные пространства, расцвета кибер-преступности, когнитивной деградации» [24]. В большой степени девальвируется совесть и насаждается мнимое чувство цифрового благополучия.

Технологии *deepfake* открывают широкий простор для манипуляции и развития карнавальной политической культуры. Дипфейк – продукт синтеза искусственного интеллекта. И оппоненты элит все активнее используют его в своей борьбе [25]. Дипфейк используют для замены/подмены реального на желаемые образы, фальсифицирующие наше представление о мире. Дипфейк начинает прорываться и в политическое пространство, в виде поддельных новостей и унижения через извращения образа врага. Как новая технология обмана дипфейк выступает в роли провокатора, как средство увода людей от действительности в мир постправды [26]. Последнее оказывается причиной усиления карнавальной политической культуры, свидетельствующей о кризисе политических элитных сообществ [27].

Политические элиты России вновь подошли к точке бифуркации, когда нужно делать свой исторический выбор. Власти упорно ищут приемлемые для себя решения проблемы, связанные с «большой цифрой» [см.: 7; 28–29]. То, что мы (эксперты) наблюдаем в настоящее время это еще не сама цифровая элита, а ее контуры, отдельные ее фрагменты, которые все еще выстраиваются в некую будущую общую схему. Поэтому все работы в этой области всё ещё носят релятивистский характер.

¹ Путин В.В. Встреча с главами муниципальных образований. 21.04.2025. – URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/76738>

Заключение

Становление «цифровой элиты» сопряжено с развитием современных высоких технологий, зависит от профессиональной компетенции конкретных лиц (членов элитных групп). Возникает новая иерархия, новая система неравенства. И эта новизна требует своего научно-философского осмысления. «Цифровая элита» – это новое меньшинство, построенное на особых условиях. Именно она активна и берет на себя ответственность за своё время. «Цифровая элита» – это новое мышление и новая политическая культура принятия решений. При этом возрастает роль ответственности самих акторов, которым приходится усиливать защиту (верификацию) от усилившегося потока фейковой информации. Само информационное пространство превращается в «минное» ментальное поле. Цифровизация политической среды приводит к усилению манипулятивных технологий и повышению зависимости политиков от верификации. Именно на это в первую очередь и следует обращать элитам свое пристальное внимание.

Вопрос о цифровой элите пока остается открытым. В будущем необходимо будет еще создать окончательную геометрию этого нового вида элит, дать описание сущности, уточнить перспективы дальнейшего развития.

Список источников

1. Панков А. В. Цивилизационные факторы формирования российских элит в контексте проблемы исторической памяти как фундирующего элемента политической культуры // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2025. № 1. С. 307–315. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-307-315>. EDN WVRTGW
2. Палитай И. С. Российская политическая элита: текущее состояние и динамика основных показателей (на материалах исследований 2011-2021 гг.) // Полис. Политические исследования. 2022. № 4. С. 148-160. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.12>
3. Ашин Г. К. Элитология : история, теория, современность: монография. М.: МГИМО, 2010. 600 с. ISBN 978-5-9228-0582-7
4. Понеделков А. В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России / А.В. Понеделков; Рос. акад. гос. службы при Президенте Рос. Федерации. Сев.-Кавк. кадровый центр Рос. академии гос. службы при Президенте Рос. Федерации. – Ростов н/Д : Книга, Изд-во СКНЦ ВШ, 1995. – 206 с.
5. Карабущенко П.Л. Очерки истории элитологии: в 4 т. / П.Л. Карабущенко. – М.: «КДУ», 2024. – Т. 3: Русская элитологическая мысль от царя Гороха и до наших дней. – 602 с. – Электронное издание сетевого распространения. – URL: <https://bookonlime.ru/node/78382> – doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-00247-087-7-2024-602. ISBN 978-5-00247-087-7
6. Карабущенко П. Л. Мультицивitas как смысл нового глобального миропорядка: «Валдайская декларация В.В. Путина» // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2024. № 1 (78). С. 121-129. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_121 <https://kaspy.asu.edu.ru/>
7. Журавлев Д. А. Политические кланы – антология развития, влияние на государственную стабильность // Власть. 2023. Том 31. № 2. С.91-92.
8. Тульчинский Г. Л. Смысл власти и власть смысла: прагмасемантика соотношения политической власти и смыслообразования // Полис. Политические исследования. 2023. № 66. С. 180-188. Doi: 10.17976/jpps/2023.06.13
9. Unleashed. By Alexander Boris de Pfeffel Johnson. –Harper Collins, 2024. – 784 p.
10. Шестопал Е. Б. Элиты и общество как политические акторы постсоветской России // Социологические исследования. 2016. № 5. С. 35–43.
11. Равио Ж.-Р. Путинизм как преторианская система. – Russie. Nei.Visions. No 106. Ифри, март 2018. 32 с. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/rnv_106_raviot_putinism_2018.pdf
12. Бобровников В.О. Кембриджская история России и борьба историографии империи. Вестник Евразии. № 4. С. 190-197. EDN: HVPYIT. 2006.
13. Кравченко С. А. Синергия сложности как императивный принцип организации власти в цифровую эпоху: новые вызовы человеческому капиталу. – Полис. Политические исследования. 2024. № 2. С. 65–79.

14. Кочетков А. П. Формирование цифровой элиты как новой страты глобально-информационного общества // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2022. Т. 27. № 1. С. 198–212.
15. Меликян М. А. Ноосферность и информационность человека: философско-антропологическое осмысление нового человеческого качества / М. А. Меликян // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2018. № 2(18). С. 68–78. – EDN VMCHDZ.
16. Степанюк В. К. Человек "экономический" и "цифровой": трансформация человеческой природы в условиях глобализации // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. 2020. № 4(121). С. 159–163. – EDN URZVOA.
17. Громыко Ю. В., Просекин М. Ю. Деятельностная когнитивистика в условиях цифровизации // Вопросы философии. №4. 2024. С. 42–52.
18. Анисимов В. А. Цифровой капитализм: к проблеме потребления медиакультуры в XXI в. // Вопросы философии. 2024. № 1. С. 37–46.
19. Лешкевич Т. Г. Человек-виртуал и передача культурных ценностей поколению эпохи цифры // Вопросы философии. 3 (Feb. 2025), С.53–63.
20. Асеева И. А. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 25–33.
21. Елькина Е. Е. Автотрофный проект – ответ на вызовы и глобальные риски цифровой эпохи // Мысль: Журнал Петербургского философского общества. 2020. № 22. С. 57–70. – EDN DVPFGP.
22. Апатова Н. В., Коваленко И. Человек в цифровой экономике // Теория и практика экономики и предпринимательства: XVI Всероссийская с международным участием научно-практическая конференция, Симферополь-Гурзуф, 18-20 апреля 2019 года / Под редакцией Н.В. Апатовой. – Симферополь-Гурзуф: ИП Зуева Т.В., 2019. – EDN NBXNLU.
23. Бард А. Неторатия. Новая правящая элита и жизнь после капитализма / А. Бард, Я. Зюдерквист. / Пер. с англ. Виталия Миучкова. Пред. Артемия Лебедева. – СПб.: Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. – 252 с.
24. Асеева И. А. Кривое зеркало цифровизации // Вопросы философии. 2024. № 2. С. 25–33.
25. Кудряшова Е. В. Джанталеева М. Ш. Эволюция медиаобразов политических лидеров в условиях международной напряженности // Вопросы элитологии. 2024. № 5(4). С. 108–122. <https://doi.org/10.46539/elit.v5i4.221>
26. Кудряшова Е. В., Мурзалиева В. А. Особенности Интернет-мемов в современной российской политической коммуникации // Вопросы элитологии. Т.4. №4 (16). 2023. С. 27-40. doi: 10.46539/elit.v4i4.173
27. Карабущенко П. Л. Карнавальная политическая культура: миры кривляющихся химер // Вопросы элитологии. Т.3. №4. 2022. С.80-94. doi: 10.46539/elit.v3i4.131
28. Оськина О. И. Трансформационные переменные политической культуры современной политической элиты // Вопросы элитологии. 2020. Т.1. №3. С.52–73. Doi: 10.46539/elit.v1i3.26
29. Понеделков А. В. Политические элиты России и современные вызовы и угрозы // Вопросы элитологии. Т.3. №3. 2022. С. 64–80. doi: 10.46539/elit.v3i3.117

References

1. Pankov A. V. Civilizational factors of the formation of Russian elites in the context of the problem of historical memory as a foundational element of political culture. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2025;(1):307–315. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2025-1-1-307-315>. EDN WVRTGW (In Russ.)
2. Palitai I. S. The Russian political elite: the current state and dynamics of the main indicators (based on research materials from 2011-2021). *Polis. Political research*. 2022;(4):148–160. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.04.12>. (In Russ.)
3. Ashin G. K. *Elitiology: history, theory, modernity*: a monograph. Moscow: MGIMO, 2010. 600 p. ISBN 978-5-9228-0582-7. (In Russ.)

4. Ponedelkov A. V. *The political elite: the genesis and problems of its formation in Russia*; Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Federation. Sev.-Kavk. the Personnel Center of the Russian Academy of Public Administration under the President of the Russian Federation. Federation. – Rostov-on-Don; 1995. 206 p. (In Russ.)
5. Karabushchenko P. L. *Essays on the history of elitism*: in 4 volumes. Moscow: KDU, 2024. Vol. 3: Russian elitist thought from Tsar Pea to the present day. – 602 p. – Electronic edition of network distribution. – URL: <https://bookonlime.ru/node/78382> – doi: 10.31453/kdu.ru.978-5-00247-087-7-2024-602. ISBN 978-5-00247-087-7. (In Russ.)
6. Karabushchenko P. L. Multicivitas as the meaning of the new global world order: "V.V. Putin's Valdai Declaration". *The Caspian region: politics, economy, culture*. 2024;1(78):121-129. https://doi.org/10.54398/1818510X_2024_1_121 <https://kaspy.asu.edu.ru/>. (In Russ.)
7. Zhuravlev D. A. Political clans – an anthology of development, influence on state stability. *Vlast'*. 2023;31(2):91–92. (In Russ.)
8. Tulchinsky G. L. The meaning of power and the power of meaning: pragmasemantics of the correlation of political power and semantic formation. *Polis. Political research*. 2023;(66):180–188. Doi: 10.17976/jpps/2023.06.13. (In Russ.)
9. *Unleashed*. By Alexander Boris de Pfeffel Johnson. –Harper Collins, 2024. – 784 p.
10. Shestopal E. B. Elites and society as political actors in post-Soviet Russia. *Sociological research*. 2016;(5):35–43. (In Russ.)
11. Ravio J.-R. Putinism as a Praetorian system. – *Russie. Nei.Visions*. No. 106. Ifri, March 2018. 32 p. https://www.ifri.org/sites/default/files/atoms/files/rnv_106_raviot_putinizm_2018.pdf
12. Bobrovnikov V.O. The Cambridge history of Russia and the struggle of the historiography of the Empire. *Bulletin of Eurasia*. 2006;(4):190–197. EDN: HVPYIT. (In Russ.)
13. Kravchenko S. A. Synergy of complexity as an imperative principle of organizing power in the digital age: new challenges to human capital. *The policy. Political research*. 2024;(2):65–79. (In Russ.)
14. Kochetkov A. P. Formation of the digital elite as a new stratum of the global information society. *Bulletin of the Volgograd State University*. Episode 4, The Story. Regional studies. International relations. 2022;27(1):198–212. (In Russ.)
15. Melikyan M. A. Noosphericity and human informativeness: philosophical and anthropological understanding of a new human quality. *Bulletin of the Ivanovo State University. Series: Humanities*. 2018;2(18):68–78. – EDN VMCHDZ. (In Russ.)
16. Stepanyuk V. K. The "economic" and "digital" man: the transformation of human nature in the context of globalization. *Proceedings of Gomel State University named after F. Skoriny*. 2020;4(121):159–163. – EDN URZVOA. (In Russ.)
17. Gromyko Yu. V., Prosekin M. Y. Activity-based cognitive science in the context of digitalization. *Questions of philosophy*. 2024;(4):42–52. (In Russ.)
18. Anisimov V. A. Digital capitalism: towards the problem of media culture consumption in the 21st century. *Questions of philosophy*. 2024;(1):37–46. (In Russ.)
19. Leshkevich T. G. The virtual man and the transfer of cultural values to the generation of the digital age. *Questions of Philosophy*. 3 (Feb. 2025):53–63. (In Russ.)
20. Aseeva I.A. The crooked mirror of digitalization. *Questions of Philosophy*. 2024;(2):25–33. (In Russ.)
21. Yelkina E. E. Autotrophic project – a response to the challenges and global risks of the digital age. *Mysl: Journal of the St. Petersburg Philosophical Society*. 2020;(22):57–70. – EDN DVPFGP. (In Russ.)
22. Apatova N. V., Kovalenko I. Man in the digital economy. In: *Theory and practice of economics and entrepreneurship: XVI All-Russian Scientific and Practical Conference with International participation*, Simferopol-Gurzuf, April 18-20, 2019 / Edited by N.V. Apatova. Simferopol-Gurzuf: IP Zueva T.V.; 2019. EDN NBXNLU. (In Russ.)
23. Bard A., Suderquist J. *Netocracy. The new ruling elite and life after capitalism*. Translated from English. By Vitaly Miuchkov. St. Petersburg: Stockholm School of Economics in St. Petersburg; 2004. – 252 p. (In Russ.)
24. Aseeva I. A. The crooked mirror of digitalization. *Questions of philosophy*. 2024;(2):25–33. (In Russ.)

25. Kudryashova E. V., Dzhantaleeva M. Sh. The evolution of media images of political leaders in the context of international tension. *Issues in Elitiology*. 2024;5(4):108-122. (In Russ.). <https://doi.org/10.46539/elit.v5i4.221>.

26. Kudryashova E. V., Murzalieva V. A. Features of Internet memes in modern Russian political communication. *Issues in Elitiology*. 2023;4(4(16)):27-40. doi: 10.46539/elit.v4i4.173. (In Russ.)

27. Karabushchenko P. L. Carnival political culture: worlds of grimacing characters. *Issues in Elitiology*. 2022;3(4):80-94. doi: 10.46539/elit.v3i4.131. (In Russ.)

28. Oskina O. I. Transformational variables of the political culture of the modern political elite. *Issues in Elitiology*. 2020;1(3):52-73. Doi: 10.46539/elit.v1i3.26. (In Russ.)

29. Ponedelkov A. V. Political elites of Russia and modern challenges and threats. *Issues in elitology*. 2022;3(3):64-80. doi: 10.46539/elit.v3i3.117. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Понеделков – Заслуженный деятель науки РФ, доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой политологии и этнополитики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Южно-Российский институт управления.

П. Л. Карабущенко – доктор философских наук, профессор кафедры востоковедения и политических наук, Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева.

Information about the authors

A. V. Ponedelkov – Honored Scientist of the Russian Federation, Dr. Sci. (Polit.), Professor, Head of the Department of Political Science and Ethnopolitics, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, South Russian Institute of Management.

P. L. Karabushchenko – Dr. Sci. (Philology), Professor of the Department of Oriental Studies and Political Sciences, Astrakhan State University named after V. N. Tatishchev.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts.

Статья поступила в редакцию 15.05.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 27.08.2025.

The article was submitted 15.05.2025; approved after reviewing 26.08.2025; accepted for publication 27.08.2025.